

УДК 811.161.1'37

ББК 81.2 Рус

А.Д. Сергеева

**РОЛЬ
КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
В ОБЪЕКТИВАЦИИ
МОТИВА
УТРАЧЕННОЙ РОДИНЫ
(на материале произведений
И.А. Бунина)**

Статья посвящена рассмотрению роли колоративной лексики в объективации мотива утраченной Родины в произведениях И. Бунина, написанных с 1918 по 1952 г. С опорой на смысловой анализ поэтических и прозаических текстов раскрываются особенности использования цветообозначений в творчестве Бунина в период эмиграции.

Ключевые слова: *доминантные эмоции, колоративная лексика, лирический герой, личностные смыслы, мотив.*

Сергеева Анна Дмитриевна – аспирант кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Армавирской государственной педагогической академии.

Тел.: 8-928-408-18-68

E-mail: SergeevaAnnaDmitrievna@mail.ru

© Сергеева А.Д., 2012.

Художественный текст всегда отражает специфику образа мира автора, его ценностные ориентации, объективированные в произведении при помощи разноуровневых средств языка. Язык поэзии ориентирован на раскрытие экзистенциального, жизни человеческой души, что обуславливает особенности семантической организации произведения, способы вербальной манифестации авторских смыслов, выбор средств эстетического воздействия на читателя [Четверикова, с. 34]. Попадая в поэтический текст, слово-понятие «переводится» в слово-образ и, как следствие, становится полисемантическим, «фокусом множественного смыслообразования» [Литвинов, с. 7], функционируя как средство доступа к информационной базе личности [Залевская 2005].

В рамках статьи рассмотрим особенности цветовой палитры произведений И.А. Бунина, в которых звучит мотив утраченной Родины, ибо цвет художественно активен, а сам выбор колоративной лексики зависит не только от этнокультурной символики цвета, но прежде всего от авторского замысла, личностных ассоциаций.

В произведениях, написанных И.А. Буниным в эмиграции, автор не просто вспоминает о своем прошлом, а стремится пережить прошлое заново, преодолевая посредством творчества и своей памяти пропасть между «сейчас» и «тогда», «здесь» и «там». В сюжеты прозаических и поэтических текстов, в историю души лирического

героя автором «вписывается» ностальгический топос – дом, усадьба, звезда над прудом:

*Все снится мне заросшая травой, / В глуши далекой и лесистой,
/ Развалина часовни родовой. // Все слышу я, вступая в этот миш-
стый / Приют церковно-гробовой (1, с. 454);*

*Печаль ресниц, сияющих и черных, / Алмазы слез, обильных, не-
покорных, / И вновь огонь небесных глаз, / Счастливых, радостных,
смиранных, – / Все помню я... (1, с. 455)*

Герой Бунина продолжает жить в мире знакомых с детства запахов, звуков, красок, мастерски переданных автором в произведениях и отражающих специфику его мировосприятия.

В бунинских текстах рассматриваемого периода через цветовой признак характеризуются реалии природного мира и собственно мир человека. Природный мир поэтических произведений Бунина включает в себя: а) небесное, земное и водные пространства: *Где ты теперь? – Ди-
вуешься волнами / Зеленого Бискайского залива (1, с. 438); Густа, ярка
синь небесная (1, с. 437); Внизу вода чуть блещет на песке, / А дальше
муть, свинцовые просторы (1, с. 452); Луну и звезды: Туманны звезды го-
лубые (1, с. 434); б) объекты живой (растительность, птицы, животные) и
неживой природы (горы, камни и т.п.): *На той ли стене павлины сидят,
/ Хвосты цветут ярью-зеленью (1, с. 437); Зачем зеленым клонится че-
лом / Та ива, что могилу осенила (1, с. 451); Скрылся месяц за синие горы
(1, с. 470); в) различные состояния окружающей среды: *Гаснет сумерек
алых сиянье (1, с. 445); г) атмосферные явления: *В гелеотроповом свете
молний летучих / На небесах раскрылись дымные тучи (1, с. 458).****

Мир человека представлен через: а) религиозные атрибуты: *Вот
в углу, где княжский гроб под красной / Трепетной лампадкой, на полу / Мо-
лится старушка, в муке страстной / Всю щепоть прижав к челу (1, с.
441); б) здания и их части: *Древняя обитель напротив луны / На лесис-
том взморье, над речными водами, / Бледно-синеватый мел ее стены (1,
с. 433); в) внешность, одежду, предметы обихода: *Она стоит в серебря-
ном венце, / С закрытыми глазами. Ни кровинки / Нет в голубом младен-
ческом лице (1, с. 468).* Природное и человеческое неразрывно связано
в текстах Бунина, что позволяет автору мастерски передать все аспекты
человеческого бытия.**

В художественном творчестве И. Бунина, безусловно, нашла свое отражение тоска по Родине. Поэтические произведения, в которых встречается мотив утраченной Родины можно условно разделить на две категории: а) стихи, передающие душевное состояние лирического героя. В них Бунин использует цветовую лексику с общей семьей 'темный' или 'бледный', 'холодный', часто служащую репрезентации смыслов «одиночество», «страдание».

*Обеднела, оскудела паперть, / Но и в храме скорбь и пустота.
// Черная престол покрыла скатерть, / За завесой царские врата
(1, с. 441);*

*В полночный час я встану и взгляну / На бледную высокую луну,
/ И на залив под нею, и на горы, / Мерцающие снегом вдалеке... //
Внизу вода чуть блещет на песке, / А дальше муть, свинцовые про-
сторы. // Холодный и туманный океан... (1, с. 452);*

б) стихи, в которых лирический герой говорит о России, вспоминает родные места. Эмотивная доминанта авторского сознания обуславливает выбор колоративов, которые выступают маркерами мотива памяти. В подавляющем большинстве случаев это слова с семами 'светлый' и 'яркий'.

*Архангел в сияющих латах / И с красным мечом из огня / Стоял
в клубах синеватых / И дивно глядел на меня. // <...> Ребенок, я ду-
мал о Боге, / А видел лишь кудри до плеч, / Да крупные бурые ноги,
/ Да римские латы и меч... // Дух гнева, возмездия, кары! / Я помню
тебя, Михаил <...> (1, с. 436);*

*«Опять холодные седые небеса, / Пустынные поля, набитые до-
роги, / На рыжие ковры похожие леса, / И тройка у крыльца, и слуги
на пороге...» // – Ах, старая наивная тетрадь! / Как смел я в те года
гневить печалью Бога? / Уж больше не писать мне этого «опять» /
Перед счастливою осеннею дорогой! (1, с. 466).*

В воспоминаниях лирического героя то, что раньше казалось привычным и обыденным, теперь становится дорогим. С грустью вспоминается даже холодный цвет неба и рыжие опавшие листья.

В стихотворении «Изгнание» (1920) нашло отражение самоощущение И.А. Бунина в тот период:

*Темнеют, свищут сумерки в пустыне. // Поля и океан... // Кто
утолит в пустыне, на чужбине / Боль крестных ран? // Гляжу впе-
ред, на черное Распятье / Среди дорог – / И простирает скорбные
объятия / Почивший Бог. (1, с. 443)*

Пространство в тексте представлено номинациями *пустыня, поля* и *океан*, которые являются контекстуальными синонимами. Существительное *пустыня* повторяется дважды и сочетается с номинацией *чужбина*, тем самым акцентируется особая значимость этой лексемы в смысловом поле стихотворения. Чужая сторона воспринимается лирическим героем как пустыня, в которой одинокий и беспомощный человек испытывает физические (*боль, раны*) и душевные (*скорбь*) страдания. Цветовой фон маркирован словосочетанием *темнеют сумерки*; также в стихотворении присутствует прямое упоминание черного цвета (*черное распятье*), который «предстает как цвет негативных сил и печальных событий. Он символизирует тьму смерти, <...> отчаяние, горе, <...> скорбь <...>» [Тресиддер, с. 410]. Помочь человеку во мраке жизненных невзгод может только вера, но в душе изгнанника царит скорбь Великой Пятницы (самый скорбный день церковного года: именно в пятницу совершились распятие и Крестная смерть Спасителя). Душевное состоя-

ние и мироощущение лирического героя передано при помощи словосочетаний: *боль крестных ран, скорбные объятия, почивший Бог*. Черный цвет – маркер эмоциональной доминанты текста. Он символизирует безысходность, неизбежность душевных страданий.

В стихотворении «Канарейка» (1921) цветовая лексика (*золотая – изумрудная*) служит объективации контрастных смыслов.

*Канарейку из-за моря / Привезли, и вот она / Золотая стала
с горя, / Тесной клеткой пленена. // Птицей вольной, изумрудной /
Уж не будешь, — как ни пой / Про далекий остров чудный / Над трактирную толпой!* (1, с. 446)

Тексту предшествует эпитафия из Брэма: *На родине она зеленая*. В этой строчке уже намечается оппозиция «Родина – чужбина». Тема родины в произведении эксплицирована лексемой «изумрудная», а мотив чужбины – лексемой «золотая», что оформляет текстовую оппозицию смысловых полей (далее – СП): СП «Родина»: *птица вольная, изумрудная; далекий остров чудный*; СП «Чужбина»: *золотая стала с горя; тесной клеткой пленена; трактирная толпа*. Таким образом, в стихотворении изумрудный цвет связывается с понятием «воля», а золотой – с понятием «отсутствие свободы», «плен». Зеленый – «цвет весны, нового роста, плодородия, радости» [Шейнина, с. 362]. Изумруд – «христианский символ бессмертия, веры и надежды» [Тресиддер, с. 126]. В тексте И. Бунина колоратив *зеленый (изумрудный)* выступает символом надежды, радости.

Цветообозначение «золотой» во многих культурах имеет исключительно положительную коннотацию, являясь символом божественного начала. В текстах И. Бунина этот колоратив также чаще всего выражает положительные смыслы. Однако в анализируемом стихотворении цветообозначение «золотой» сближается по смыслу с устойчивым сочетанием «золотая клетка» и, приобретая отрицательную коннотацию, символизирует неволю, горе.

Таким образом, в произведениях И. Бунина колоративная лексика способна выражать как доминантные эмоции, так и символические смыслы и служить маркером текстовых смысловых полей.

В творчестве И. Бунина есть произведения, в которых он непосредственно говорит о России, вспоминая родные дом и усадьбу, красоту русской природы. Часто средством объективации этих смыслов является номинация «звезда». Рассмотрим стихотворение «Сириус» (1922), в котором отчетливо звучит мотив памяти:

*Где ты, звезда моя заветная, / Венец небесной красоты? // Очарованье безответное / Снегов и лунной высоты? / Где молодость,
простая, чистая, / В кругу любимом и родном, / И старый дом, и ель
смолистая / В сугробе белом под окном?* (1, с. 450)

Мотив памяти объективируется словосочетаниями *звезда заветная, молодость простая, чистая; круг любимый и родной; старый дом; ель смолистая; сугроб белый под окном*. Память «высвечивает» наибо-

лее значимые для лирического героя объекты из прошлого: звезда, дом, ель. В воспоминаниях присутствует белый цвет – цвет снега. Молодость и чистота белого снега сближаются в сознании героя и создают единый образ прошлого, далекого, светлого и прекрасного, когда вся семья собиралась в родном доме.

Звезда является в тексте наиболее значимым объектом, несущим большую смысловую нагрузку. «Звезда издавна служила символом вечности, а позднее – символом высоких стремлений, идеалов. Звезда – эмблема путеводности, счастья» [Шейнина, с. 9]. В начале стихотворения звезда воспринимается как часть космоса, мироздания (*венец небесной красоты; очарованье <...> снегов и лунной высоты*). Номинация «звезда» конкретизируется прилагательным «заветная», т.е. «свято хранимая, оберегаемая, особенно ценимая по каким-нибудь воспоминаниям, по значению для кого-нибудь» [Ожегов, с. 185 – 186]. Звезда для лирического героя является символом его молодости, прошлого, связанного с родным домом и семьей, символом памяти, духовно соединяющим героя с Родиной и близкими людьми. В последней строфе образ звезды приобретает еще один смысл: звезда становится символом дум, устремлений, творчества, всего того, чем жил человек, того нематериального следа, который он по себе оставил.

*Пылай, играй стоцветной силою, / Неугасимая звезда, /
Над дальнею моею могилою, / Забытой Богом навсегда! (1, с. 450)*

Гиперболический эпитет стоцветная сила отправляет читателя к библейским мотивам и служит побуждению его рефлексии над текстом.

В эмиграции И. Бунин пишет роман «Жизнь Арсеньева» (1927 – 1929, 1933), который «наиболее полно выразил то чувство ностальгии по России, по ее укладу, ее деревням и косограм, которое так остро ощущали многие эмигранты» [Репина, с. 177]. В произведении мы находим эпизод, созвучный проанализированному стихотворению, но в романе описание усадьбы и дома дано в более развернутом виде:

Прекрасна – и особенно в эту зиму – была Батуриная усадьба. Каменные столбы въезда во двор, снежно-сахарный двор, изрезанный по сугробам полозьями <...> Тишина и блеск, белизна толстых от снега крыш, по-зимнему низкий, утонувший в снегах, красновато чернеющий голыми сучьями сад, с двух сторон видный за домом, наша заветная столетняя ель, поднимающая свою острую черно-зеленую верхушку в синее яркое небо из-за крыши дома, из-за ее крутого ската, подобного снежной горной вершине, между двумя спокойно и высоко дымящимися трубами <...> приветливо, шурясь от спящего, веселого света, от ледяной самоцветной игры на снегах, глядят старинные окна с мелкими квадратами рам... (3, с. 369)

В тексте обилие белого цвета и света: *снежно-сахарный двор; блеск, белизна толстых от снега крыш; спящий, весенний свет; самоцветная игра на снегах*. На белом, сверкающем фоне И. Бунин контрастно прорисовывает силуэты деревьев и выделяет ярким цветовым акцентом не-

бесное пространство: *утонувший в снегах, красновато чернеющий голыми сучьями сад; заветная столетняя ель, поднимающая свою острую черно-зеленую верхушку в синее яркое небо*. В ту зиму, о которой вспоминает герой произведения (Алексей Арсеньев. – А.С.), он был счастлив, поэтому в сознании сохранилась светлая картина: запомнились белизна и сверкание снега во дворе и на крышах, контраст черных деревьев на белом фоне и яркость синего неба.

Следует отметить, что в этом отрывке, как и в стихотворении «Сириус», упоминается ель, которая называется «заветной». Таким образом, ель также является символом утраченной Родины, такой же далекой, как и звезда.

В описаниях дома И. Бунин использует слова с семей 'темный', что, на наш взгляд, маркирует смыслы «старина», «родовое гнездо»:

Скрипя мерзлыми валенками по затвердевшему на ступеньках снегу, поднимаешься на главное, правое крыльцо, проходишь под его навесом, отворяешь тяжелую и черную от времени дубовую дверь, проходишь темные длинные сени... В лакейской, с большим грубым ларем у окна, еще прохладно, синевато, – солнце в ней не бывает, окно ее на север, – но трещит, гудит, дрожит медной заслонкой печь. Направо сумрачный коридор в жилые комнаты, прямо напротив – высокие, тоже черные дубовые двери в зал. В зале не топят, – там простор, холод, стынут на стенах портреты деревянного, темноликого дедушки в кудрявом парике и курносого, в мундире с красными отворотами, императора Павла <...> Зато в зале все залито солнцем и на гладких, удивительных по ширине половицах огнем горят, плавятся лиловые и гранатовые пятна – отражения верхних цветных стекол.(З, с. 369)

В описании дома преобладают темные тона: *черная от времени дубовая дверь; темные длинные сени; в лакейской <...> прохладно, синевато; сумрачный коридор; черные дубовые двери в зал; портреты деревянного, темноликого дедушки <...> и <...> в мундире с красными отворотами, императора Павла*. И совсем иная картина в зале: *все залито солнцем; на <...> половицах огнем горят, плавятся лиловые и гранатовые пятна – отражения верхних цветных стекол*. Обилие темных цветов вовсе не создает мрачного настроения, а, скорее, передает отношение к дому. Темные колоративы создают ощущение сакральности, старины, а цветные стекла напоминают церковные витражи. Дом для героя – дорогое, почти священное место.

Вспоминает герой и ель, и ночное небо:

Как несказанно хороша была она в морозные лунные ночи! Войдешь – огня в зале нет, только ясная луна в высоте за окнами. Зал пуст, величав, полон словно тончайшим дымом, а она, густая, в своем хвойном, траурном от снега облачении, царственно высится за стеклами, уходит острием в чистую, прозрачную и бездонную куполообразную синеву, где белеет, серебрится широко раскинутое созвездие Ориона, а ниже, в светлой пустоте небосклона, остро бле-

*щет, содрogaется лазурными алмазами великолетный Сириус, любима-
мая звезда матери... (З, с. 370)*

Употребление прилагательного «траурный» в изображении заветной ели (*густая, в своем хвойном, траурном от снега облачении*) и повторение слов с семой 'острый' (*острая верхушка; уходит острием в <...> синеву; остро блещет*) говорит о том, что, вспоминая прошлое, герой испытывает боль, ибо все это безвозвратно потеряно.

В рассматриваемом отрывке преобладают белый и синий цвета: *чистая, прозрачная и бездонная куполообразная синева; белеет, серебрится широко раскинутое созвездие Ориона; остро блещет, содрogaется лазурными алмазами великолетный Сириус*. Заметим, что цвета *белый* и *синий* традиционно считаются символами чистоты и духовности, а *лазурь* «представляет <...> духовное образование человека» [Шейнина, с. 362]. Цвет служит здесь для выделения значимых в смысловом отношении объектов – неба и звезд. Взгляд героя направлен ввысь. Куполообразная синева и звезды являются символами его духовных устремлений, юных дум и мечтаний. Более того, упоминание звезды Сириус связывается с темой матери и, как следствие, родины. Таким образом, И.А. Бунин при помощи цвета выделяет наиболее значимые объекты, передает чувства лирического героя, его отношение к реалиям действительности.

Функции колоративов в творчестве писателя не исчерпываются указанием на внешний признак объекта. В текстах, в которых присутствует мотив утраченной Родины, цветовая лексика служит для передачи доминантных эмоций и чувств лирических героев и автора, для выделения наиболее значимых в смысловом плане объектов, побуждает рефлексию читателя, выражает авторские смыслы.

Литература

- Бунин И.А.* Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1, 3. М., 1988.
Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. М., 2005.
Литвинов В.П. О статусе лингвистического факта // Исследования по теории немецкого языка. Пятигорск, 1973.
Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. д-ра филол. наук проф. Н.Ю. Шведовой. М., 1972.
Репина И.А. «Жизнь Арсеньева» // Энциклопедия литературных произведений / сост. и науч. ред. С.В. Стаховский. М., 1998.
Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999.
Четверикова О.В. Когнитивно-прагматический потенциал средств языковой экспликации авторских смыслов в поэтическом тексте (на материале произведений первой половины XX века): монография. Тверь, 2010.
Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М., 2007.